обращается с орфографией первого издания. Сначала он даже «замышлял в этом издании выправить первоначальный текст... вообще по правилам старославянской грамматики», но благоразумно отказался от своего намерения, решив, что это — памятник русский и тогда «пришлось бы сделать важные изменения в других вещах, помимо правописания, и стереть многие языковые особенности (!)».[43]

К. Эрбен поставил перед собой задачу — сделать перевод не только точным, ясным и понятным, но и «по духу своему приближающимся, насколько возможно», к оригиналу. А поскольку автор «Слова», по мнению К. Эрбена, пропускает некоторые вещи, известные или понятные его современникам, в переводе в скобках приводилось то, что могло послужить пониманию смысла. Если бы К. Эрбен задумал сделать что-то вроде «объяснительного» перевода, то это его намерение было бы совершенно понятным. Но, кажется, ничем нельзя менее приблизиться по духу к оригиналу, чем включением объяснений в скобках. Эрбену, несомненно, не удался перевод; эмоциональное воздействие оригинала часто утрачивается. К. Эрбен допускает частые нарушения синтаксиса, ритмики, загружает перевод служебными словами.

Сравним начала переводов К. Эрбена и М. Гатталы.

У Гатталы: „Neslušelo-li by nám, bratří, počíti starodávným spůsobem vážné pověsti o výpravě Jgora, syna Svatoslavova. Počíti se je však té písni dle události tohoto času, a ne dle zamyšlení Bojanova“.

У Эрбена: „Nebylo-li by nám, bratří, slušné, abychom spůsobem písní starobýlých počali vypravovati truchluvé pověsti o výpravě Jgorově, Jgora syna Swatoslavova? Ale třeba jest tu píseň podle toho, co se času tohoto skutečně přihodilo, a nikoli podle zamyšlení Bojanova“.

У К. Эрбена интонация совершенно не та, что в «Слове», — вялое, многословное повествование.

Благодаря обширным примечаниям, алфавитному указателю имен и географических названий труд К. Эрбена очень выигрывает. Обычно К. Эрбен дает верные сведения, однако одна грубейшая ошибка очень снижает ценность всей этой части работы: К. Эрбен спутал Новгород-Великий и Новгород-Северский, перевел «Северский» как «Северный» и поместил стольный город удельного княжества Игоря на озере Ильмень (кстати, и название озера он исказил — «Ильмер» вместо «Ильмень»): „Novohrad, Новгород с příjmím Veliký, také Severní, město na jezeře Ilmeře, nejstarší v říši Ruské, udělné město Jgorovo“.[44]

Основной интерес в работе К. Эрбена представляют конъектуры и объяснения темных мест «Слова о полку Игореве».

Е. В. Барсов подверг К. Эрбена жесткой критике за то, что переводчик «отнесся к тексту без... почтенной осторожности... и испестрил его множеством своих и чужих неудачных поправок».[45]

Некоторые из этого «множества поправок» следует рассмотреть отдельно.

1. Эрбен заменил «раны» на «рать», читая вместо «Кая раны дорога, братие» «Кая рать дорога»; он не привел никаких палеографических обоснований этой замены. Это место у Эрбена переведено так: «Jaký to, bratří drahý boj...».

---

[43] K. J. Erben. Dvé zpěvů staroruských totiž: o výpravě Jgorově a Zádonština, стр. VI.

[44] K. J. Erben. Dvé zpěvů staroruských..., стр. 27.

[45] Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, стр. 205—206.